

Призрак! Папочка, спаси!

Поэтому спонтанное решение принести подарок было одновременно и способом сгладить неловкость, и возможностью создать между ними более прочную связь.

Тот факт, что Снежная птица не ела людей и говорила на человеческом языке, убедил Лоу Юя в том, что он — не просто мутировавший монстр, обретший человеческий облик.

В его сознании определённо была связь с человечеством, просто подробности пока оставались для Лоу Юя загадкой.

Если его догадка верна, то эти вещи могут стать ключом, который поможет Снежной птице вернуться к людям.

Даже если он ошибся, зная характер Снежной птицы, тот, скорее всего, ответит на подарок подарком. А такой обмен позволит ему стать к нему ещё ближе.

Положить в мешок сменную одежду было проявлением величайшего эгоизма со стороны Лоу Юя.

Он был тайно влюблён в Снежную птицу, восхищался им. Он хранил его перья, чтобы ночами смотреть на них и предаваться мыслям о нём. И ему хотелось, чтобы и у Снежной птицы была вещь, насквозь пропитанная его запахом.

В идеале, конечно, чтобы он её носил. Но даже если нет, его одежда прекрасно подошла бы для подстилки в гнезде. Так она всё равно была бы рядом с ним.

Словно он сам обнимал Снежную птицу.

Едва эта мысль родилась в его голове, как Лоу Юй пришёл к выводу: его желания нездоровы, совершенно ненормальны.

Он осознавал свою ошибку, но не хотел ничего менять.

По крайней мере, в том, что касалось любви к Снежной птице, он не мог быть благородным господином.

Интересно, если Снежная птица узнает о его грязных мыслях, разорвёт ли он его на куски, как того мутировавшего дикого волка?

Впрочем, умереть от его руки — тоже достойный конец. Ведь именно Снежная птица спас ему жизнь.

Если бы Лоу Юй сейчас посмотрел в зеркало, то увидел бы, что, хотя его лицо и оставалось бесстрастным, глаза горели нездоровым блеском, а в фиолетовых зрачках таилось тихое безумие.

Но уже через мгновение он снова стал прежним. Выйдя из кухни, он с улыбкой болтал с товарищами по команде.

Вот только в голове его неотступно крутилась одна и та же мысль: «Что сейчас делает Снежная птица? Вспоминает ли он хоть изредка обо мне после нашей сегодняшней встречи?»

***

— Цю! Цю!

— Горячо! И очень вкусно!

В пещере Эрбао проглотила кусочек жареного мяса и тут же начала махать крылышками и часто дышать, открыв клюв.

Тао Цю поспешно поднёс ей воды.

— В следующий раз подожди, пока остынет. Обожжёшь горло — будет плохо.

— Цю-цю, — прочирикала Эрбао, глупо хихикая. — Цю-цю, цю-цю-цю.

— Спасибо, папочка. Я не нарочно, просто мяско слишком вкусное.

— Маленькая обжора, — с улыбкой покачал головой Тао Цю.

Днём он набрал сухих дров, а потом полдня провёл в долине в поисках плоского камня, который не треснет от жара. Найдя подходящий, он отмыл его и принёс в пещеру.

У входа, в защищённом от ветра месте, он соорудил простой очаг, развёл огонь и положил на него камень прогреваться. Затем нарезал мясо и редьку тонкими ломтиками. Когда камень раскалился, он смазал его куском жира и выложил мясо с редькой.

Аромат жареного мяса смешался с запахом редьки. Готовые ломтики он посыпал щепоткой соли — от одного запаха текли слюнки.

Детёныши с восторгом приняли приготовленную пищу, и это очень радовало Тао Цю. Вкусной едой нужно делиться, есть в одиночку — совсем не то.

Тао Цю остужал каждый кусочек, прежде чем дать его птенцам, чтобы они снова не обожглись.

— Цю-цю, — Саньбао подтолкнула свою бамбуковую тарелочку с мясом к отцу.

— Папочка, ты тоже ешь.

Тао Цю погладил её по голове.

— Юаньюань такая заботливая. Но не волнуйся, папа ест. Это твоё, кушай.

Саньбао была послушной. Услышав это, она съела всё мясо и редьку со своей тарелки.

Закончив с жаркой, Тао Цю принялся за шашлыки. Он приготовил немного, по три шпажки на каждого — просто чтобы попробовать.

После шашлыков подспело и мясо, томлёное в углях и завернутое в несколько слоёв зелёных листьев. Тао Цю выкопал его и разделил на всех.

Только он закончил, как Дабао сообщил ему:

— Цю, цю-цю.

— Папочка, суп готов.

Тао Цю соорудил два очага: один для каменной плиты, другой — для супа.

Вместо котла он использовал бамбуковые стволы. Один ствол, расколотый пополам, служил и кастрюлей, и крышкой. Тао Цю теперь без бамбука как без рук, совсем как панда.

Основными ингредиентами для супа были мелко нарезанные редька, её листья, вяленое мясо и помидоры. Это было скорее рагу, чем суп.

На раскалённых углях зелёный бамбуковый «котёл», почерневший снизу от копоти, тихо булькал. Кусочки ингредиентов кружились в кипящем вареве, источая пар и аромат, от которого текли слюнки.

Тао Цю снял «котёл» с огня и разлил суп по бамбуковым мискам для себя и птенцов, строго-настрого наказав им ждать, пока остынет.

Эрбао была занята мясом. Хотя ей и хотелось попробовать суп, она не могла оторваться. К тому времени, как она закончит, суп как раз остынет.

Жареное мясо было хрустящим, шашлык — упругим, а томлёное — нежным. Тао Цю, будучи большим гурманом, любил все три вида.

Наевшись мяса до полусыти, можно было отведать и горячего супа с редькой. Специи из вяленого мяса растворились в бульоне, а мелкие кусочки овощей и мяса создавали богатую текстуру и приятно жевались.

Для таких спартанских условий этот суп был настоящим деликатесом.

Птенцы, подражая отцу, чередовали мясо с супом.

Раньше, в жару, они пили холодную воду, чтобы освежиться. Но с недавним похолоданием даже фрукты казались им холодными, не говоря уже о воде.

Когда папа сказал, что будет готовить на огне, они думали, что речь идёт только о мясе. Они и представить не могли, что воду тоже можно греть.

Пить тёплую воду в холодный день — само по себе удовольствие. А если в ней ещё и мясо с «ягодками», то от аромата можно было сойти с ума. Птенцы готовы были выпить всё залпом.

Папа был прав: огонь хоть и страшен, но, если правильно им пользоваться, он может принести много пользы.

Тао Цю и его дети ели с таким увлечением, что никто не проронил ни слова. В пещере слышалось лишь чавканье, хлюпанье и редкое потрескивание дров в очаге.

Тишина и покой, наполненные теплом.

Полчаса спустя Тао Цю проглотил последний кусок мяса. Ужин был окончен.

Он погладил свой выпирающий живот. Давно он так сытно не ел. Хотя он и привык к сырой пище, после возвращения человеческой памяти его душа всё же тянулась к приготовленной еде.

Тао Цю наелся до отвала, но и птенцы от него не отставали. Сейчас они сидели на столе,

раздувшиеся, как шарики, и не могли пошевелиться, глядя перед собой остекленевшими глазами, словно весь их интеллект переместился в желудок, помогая переваривать пищу.

Отдохнув немного, Тао Цю вскипятил в новом бамбуковом стволе воду, чтобы умыть себя и детей.

У приготовленного мяса был один недостаток — оно было жирным.

Сегодняшние блюда все были масляными. Даже птенцы, которые только ели, умудрились испачкать клювы и перья. Что уж говорить о Тао Цю, главном поваре.

Если не смыть жир, то это, во-первых, грязно, а во-вторых, со временем начнёт дурно пахнуть.

Хотя условия в дикой природе были суровыми, Тао Цю очень следил за гигиеной. В пещере всегда было прибрано, а он и его дети регулярно мылись.

Единственным чистящим средством под рукой была древесная зола. Когда птенцы увидели, как Тао Цю сыплет чёрный порошок в воду, они вытаращили глаза.

Сегодня они уже пережили столько «впервые» в своей птичьей жизни, что больше ничему не удивлялись, осталось лишь любопытство.

— Цю-цю? — лениво прочирикала сытая Эрбао.

— Папочка, что ты делаешь?

— Готовлю воду, чтобы умыть вам мордочки и лапки, — ответил Тао Цю. — Ваши перья и лапки в жиру. Теперь, когда он остыл, вам, наверное, липко и неприятно?

Стоило ему об этом сказать, как птенцы посмотрели друг на друга и заметили, что у них слиплись перья, а клювы и лапки блестят от жира.

Вид у них был довольно растрёпанный и некрасивый.

Саньбао кивнула.

— Цю-цю, цю-цю.

— Не нравится, надо смыть.

— Тогда давай сначала умоем Юаньюань, хорошо? — предложил Тао Цю.

Дабао, глядя на чёрную воду в бамбуковом стволе, с сомнением спросил:

— Цю-цю, цю-цю.

— Чёрная вода. Помоемся — станем чёрными птичками.

— Мо не прав, — рассмеялся Тао Цю. — От чёрной воды станешь чёрной птичкой. Но чёрная вода смывает жир, а чистая вода смывает чёрную воду.

Теперь птенцы поняли. Мыться придётся дважды.

Тао Цю осторожно, одного за другим, отмыл всех троих, почистил каменную плиту и бамбуковые миски, и только потом умылся сам.

После этого он оторвал несколько слоёв медицинской марли, чтобы вытереть птенцам перья, впитав лишнюю влагу, а затем усадил их у огня сушиться, одновременно рассказывая сегодняшнюю сказку на ночь.

У птенцов были тёплые перья, да ещё и огонь грел. Не успел Тао Цю дойти до середины истории, как они уже начали клевать носом.

К тому времени их перья почти высохли. Тао Цю засыпал угли золой, чтобы завтра было проще развести огонь, и, подхватив детей, уютно устроился в гнезде.

Похолодало, и Тао Цю на ночь снова принял облик птицы, укрыв птенцов своими перьями.

Но сегодня, кроме перьев, их согревало ещё и толстое пальто.

На нём остался запах мужчины. словно их второй папа был рядом, оберегая и защищая их.

Засыпая, птенцы что-то бормотали.

Эрбао:

— Цю-цю, цю-цю.

— Жареное мяско вкусное. Завтра ещё хочу.

Саньбао:

— Цю.

— Мне всё понравилось.

Дабао:

— Цю-цю-цю, цю-цю.

— Завтра не надо так много готовить, папа устанет.

Эрбао и Саньбао:

— Цю-цю.

— Братик прав.

Эрбао:

— Цю-цю, цю-цю.

— Вот бы нам стать людьми, тогда бы мы могли готовить для папы.

Саньбао:

— Цю-цю, цю-цю?

— Братик, сестричка, а когда мы станем людьми?

Дабао:

— Цю-цю, цю-цю...

— Не знаю, может, завтра...

Дальше их слова становились всё более бессвязными. Наверное, они и сами уже не понимали, что говорят.

Постепенно их голоса затихли.

Все трое уснули.

Тао Цю опустил голову и посмотрел на три круглых пушистых комочка. Его взгляд был полон нежности.

— Спокойной ночи, мои сокровища.

***

Следующие несколько дней теплее не становилось. Неизвестно, выглянет ли солнце ещё хоть раз до того, как выпадет снег.

Получив зажигалку и оценив все преимущества огня, Тао Цю добавил в свой список зимних запасов новый пункт — дрова.

С этим проблем не было. В лесу полно сухого валежника. Силы у Тао Цю было много, за один раз он приносил огромную охапку. За три дня он сложил у пещеры целую гору дров.

Кроме того, он срубил несколько старых бамбуковых стволов, распилил их на куски чуть выше входа в пещеру и, связав гибкой лианой по ширине проёма, смастерил простую дверь.

Зимой бушевали метели. Раньше Тао Цю жил по-простому: наедался раз в неделю до отвала, а если вход в пещеру заваливало снегом, ему было всё равно. Силы было много, так что он просто проламывал себе путь наружу. В пещере было несколько вентиляционных отверстий, которые снегом не заносило, так что он не боялся задохнуться.

Но в этом году так уже было нельзя. Сам-то он холод выдержит, а вот птенцы ещё маленькие, слабее его. Нужно было позаботиться о тепле.

Когда пойдёт снег, он поставит бамбуковую дверь, подопрёт её камнями и будет каждый день расчищать вход. Так они должны пережить зиму.

Материалов в лесу было в избытке, а конструкция — простая, так что за один день дверь была готова и стояла в пещере.

Птенцы, задрав головы, с благоговением смотрели на неё. Она была во много раз выше их.

Эту дверь сделал папа, и только папа мог её сдвинуть. Птенцы даже боялись к ней прикасаться, чтобы она случайно не упала и не превратила их в лепёшки.

Вечером поднялся ветер. После ужина Тао Цю с детьми устроился у огня греться и читать им сборник, который подарил тот мужчина.

«...Каждую ночь после смерти А Яна я вижу его во сне. Иногда у него нет головы, иногда — рук и ног, а порой от него остаются лишь кости. Но в каком бы виде он ни являлся, он всегда бросается на меня и истошно кричит, спрашивая, зачем я толкнул его к монстрам».

«И наяву мне постоянно кажется, что из темноты за мной наблюдает пара глаз. Я стал подозрительным и измученным. Окружающие думают, что я скорблю по А Яну. Ведь все, кто нас знал, считали нас лучшими друзьями, выросшими вместе. Наверное, и сам А Ян до самой смерти так думал».

«Ощущение слезки становится всё сильнее. Теперь мне кажется, что на меня смотрит не одна пара глаз, а бесчисленное множество. Они пронизывают меня насквозь, разглядывая каждую частичку моей плоти. Я не могу спать, у меня нет аппетита. Каждый раз, глядя в зеркало, я с трудом верю, что этот измождённый, с землистым цветом лица человек, похожий на живого мертвеца, — это я».

«Я думаю, это вернулся призрак А Яна. Он ненавидит меня за то, что я его убил, и хочет утащить меня в ад».

«Мне страшно, но я не жалею. Если бы А Ян был жив, мне было бы ещё хуже».

«Прошёл месяц со дня смерти А Яна. Я, почти не спавший всё это время, сегодня вдруг почувствовал сонливость. Я рад. Кажется, я скоро избавлюсь от этого кошмара».

«Я быстро уснул и не видел кошмаров. Но посреди ночи меня разбудил какой-то шорох».

«Я в ужасе открыл глаза. Ночник почему-то погас. Вокруг была кромешная тьма. Я мог двигать только глазами, всё остальное тело окаменело».

«Сердце бешено колотилось, по телу струился холодный пот. Ужас сковал меня».

«Внезапно я почувствовал, как что-то ледяное коснулось моей руки, поползло по запястью, предплечью и остановилось у самого уха».

«Х-х-ха. Кто-то дышал мне в ухо. Дыхание было холодным, как зимний мороз, от него волосы встали дыбом».

«В этот момент я вспомнил А Яна. Он тоже любил так дышать мне в ухо».

«Это призрак А Яна? Я умру?»

«В отчаянии я услышал у самого уха знакомый голос. Он сказал...»

Тао Цю замолчал и посмотрел на трёх птенцов рядом с собой.

Те, затаив дыхание, слушали историю и тут же наперебой зачирикали:

— Цю, цю-цю.

— Папочка, рассказывай дальше.

— Всё, — Тао Цю показал им книгу. — Здесь написано: «Продолжение следует». Чтобы узнать, что было дальше, нужно покупать июльский выпуск.

Тао Цю забыл, что птенцы не умеют читать, да и они сами об этом забыли. Они сгрудились у книги, пытаясь что-то разглядеть, и разочарованно вздохнули.

— Цю, цю-цю, цю-цю-цю, — недовольно прочирикала Эрбао.

— Как обидно! Все истории до этого были законченными, а эта — нет.

Большинство статей в этом сборнике были эссе или стихами, восхваляющими человечество и жизнь на базе. Что и неудивительно, ведь это было официальное издание.

Рассказов, подобных «Призраку-другу», было очень мало, всего пять. Четыре из них — короткие, и только «Призрак-друг» был с продолжением, да и то напечатали только первые три главы.

История была о главном герое и А Яне, которых все считали лучшими друзьями. Главный герой в детстве остался сиротой, и его усыновили родители А Яна. Характером он был угрюмым и замкнутым, в то время как А Ян — весёлым и общительным. Даже после трагической гибели родителей А Ян не пал духом. Главный герой завидовал его жизнелюбью, и эта зависть со временем переросла в ненависть. В итоге во время одной из вылазок за пределы базы он столкнул А Яна прямо в пасть мутантам.

Стиль этих рассказов сильно отличался от остального содержания сборника. Скорее всего, их печатали, чтобы привлечь читателей.

Ведь жизнь и так была тяжёлой, кому захочется читать одни и те же хвалебные оды.

— Это статья за июнь этого года, — утешил их Тао Цю. — Июль давно прошёл. В следующий раз, когда будем меняться с тем человеком, я попрошу его принести нам следующие выпуски.

Эрбао немного повеселела.

— Цю-цю, цю-цю.

— Спасибо, папочка, ты самый лучший.

Разобравшись с продолжением истории, птенцы начали задавать вопросы.

Саньбао:

— Цю-цю, цю-цю, цю-цю-цю?

— А Ян помогал «я», они были друзьями. Почему «я» стал завидовать ему и убил его?

Рассказ вёлся от первого лица, и имя главного героя не упоминалось, поэтому они называли его «я».

— У большинства нормальных людей так: если друг делает тебе добро, ты отвечаешь ему тем же. Если друг добивается успеха, ты за него радуешься. Может возникнуть зависть из-за собственной неуверенности, но до причинения вреда дело не дойдёт, — объяснил Тао Цю. — Но есть и другие люди, с грязными мыслями. Когда друг им помогает, они думают, что он над ними насмехается. Когда друг успешен, они чувствуют себя его тенью. Чем лучше другу, тем хуже им. Они считают, что станут счастливы, только если друг исчезнет.

Саньбао покачала головой:

— Цю-цю? Цю.

— Почему так? Не понимаю.

— Ты ещё маленькая, — погладил её Тао Цю. — И ты не такая неблагодарная негодяйка, как герой рассказа. Поэтому тебе и не понять мысли плохих людей.

Саньбао потёрлась о руку Тао Цю, давая понять, что всё поняла.

— Но, — добавил Тао Цю, — если, когда вырастете, вы встретите таких «друзей», держитесь от них подальше.

Птенцы послушно кивнули.

Но Дабао волновал другой вопрос.

— Цю-цю? Цю-цю.

— Люди нас очень ненавидят? В рассказах мы всегда плохие.

Во всех статьях, что читал Тао Цю, мутанты выставлялись злодеями, которых люди ненавидели всей душой.

Тао Цю не стал уходить от ответа, хотя их второй отец был человеком, а он сам — наполовину человеком, наполовину мутантом.

— С точки зрения людей, мутанты, конечно, злодеи. Потому что мутанты едят людей. И потому что мутанты слишком сильны и мешают развитию человечества. Поэтому люди ненавидят мутантов.

Эрбао удивлённо спросила:

— Цю-цю-цю?

— Тогда почему некоторые люди хотят с нами меняться?

— Потому что папа не съел ни одного человека. Наоборот, я даже спасал людей. Поэтому для некоторых людей я — исключение среди мутантов.

Дабао задумался и спросил:

— Цю-цю?

— Значит, мутанты неправы?

— Мы каждый день едим других мутантов, — возразил Тао Цю. — Мы злодеи? Мы неправы?

Дабао замолчал. Эрбао и Саньбао переглянулись и тоже ничего не сказали.

— Очень-очень давно, — продолжил Тао Цю, — люди были самыми сильными существами на этой земле. У них был острый ум, они создавали разные инструменты и оружие для защиты и нападения. Как сейчас мутанты едят людей, так раньше люди ели слабых мутантов. И сейчас на базах люди разводят домашнюю птицу и охотятся на мутантов ради еды. Значит, люди неправы?

Саньбао тихонько чирикнула:

— Все неправы, и все правы.

— Саньбао права, — улыбнулся Тао Цю. — Все неправы, и все правы. Потому что здесь правота определяется с точки зрения каждой из сторон, и она не бывает абсолютной.

— Поэтому не обращайтесь внимания на то, что пишут в этих статьях. Не нужно из-за этого чувствовать вину или ненавидеть людей, — Тао Цю погладил Дабао по голове, успокаивая его.

Дабао понял, что хотел сказать отец, и сбросил с души камень.

— Цю-цю.

— Спасибо, папочка.

Им нравились вещи, сделанные людьми, а после рассказов Тао Цю они, естественно, стали симпатизировать людям.

Узнать, что те, кто тебе нравится, тебя ненавидят, было для них, ещё совсем маленьких, неприятным открытием.

— Человеческие вещи хорошие, — сказала Эрбао. — Я хочу много-много таких вещей, поэтому я никогда не буду есть людей.

— Даже если люди очень вкусно пахнут, — добавила Саньбао.

— Если съесть всех людей, то таких хороших вещей больше не будет, — заключил Дабао.

Слушая их, Тао Цю не мог сдержать улыбки.

— Хорошо, наша семья не ест людей.

***

На следующее утро, ещё до рассвета, Тао Цю проснулся оттого, что ему захотелось в туалет — результат выпитой на ночь тёплой воды. Он принял человеческий облик, осторожно переложил птенцов в гнездо и выбежал из пещеры.

Поздней осенью роса была особенно обильной. Вернувшись, Тао Цю почувствовал, что весь жар

из него вышел.

Он лёг обратно в гнездо, собираясь досмотреть сны.

Он всё ещё был сонный, и в глазах немного двоилось. Укладывая птенцов к себе под бок, он случайно коснулся лапки Эрбао.

Наверное, его рука была холодной. Эрбао проснулась и, сонно моргая, приоткрыла глаза. Тао Цю инстинктивно наклонился к ней и тихо прошептал:

— Спи, моя хорошая, спи...

— ЦЮ!!!

Его слова прервал пронзительный крик. Эрбао вырвалась из его рук и в ужасе отскочила назад.

— Цю-цю! Цю-цю! Цю-цю!

— Призрак! Призрак! Папочка, спаси!

Дабао и Саньбао проснулись от крика и увидели плачущую навзрыд Эрбао и растерянного отца.

Они бросились успокаивать сестру и одновременно спрашивать у Тао Цю, что случилось.

Тао Цю хотел обнять Эрбао, но боялся напугать её ещё больше. Он неловко опустил руки и почесал щеку.

— Кажется, Сюэсюэ приняла меня за призрака. Зря я вам вчера столько страшилок рассказал.

Речь шла не о рассказе из сборника, а о нескольких коротких историях, которые Тао Цю рассказал им перед сном.

Птенцы раньше не знали, кто такие призраки, но после того рассказа им стало интересно, почему главный герой их так боится.

И тут в голове Тао Цю родилась коварная мысль. Он пересказал им все страшилки, которые слышал в прошлой жизни.

Тогда птенцы никак не отреагировали, и Тао Цю даже немного расстроился, что не смог их

напугать. А теперь вот что вышло.

Дабао и Саньбао удалось успокоить сестру.

Всхлипывая, она сказала:

— Цю-цю, цю-цю.

— Что-то холодное-холодное дотронулось до моей ножки, прямо как в той истории.

Тао Цю виновато улыбнулся и протянул свою руку:

— Это папа только что выходил в туалет, у меня руки замёрзли. Я хотел тебя укрыть и случайно дотронулся.

Эрбао:

— Цю-цю, цю-цю.

— Призрак дышал мне в ухо и что-то говорил.

Тао Цю:

— ...Я просто увидел, что ты проснулась, и хотел тебя убаюкать.

Эрбао:

— ...

Дабао и Саньбао отвернулись, пытаются сдержать смех, чтобы не обидеть сестру.

Тао Цю подхватил Эрбао на руки и несколько раз поцеловал.

— Прости, это всё я виноват. Напугал моё сокровище. Простишь меня?

— Цю-цю, — Эрбао обняла отца за шею. Ей тоже стало немного неловко. — Цю-цю.

— Это не ты виноват, папочка. Это я тебя не так поняла.

Тао Цю гладил Эрбао по спинке и тихо приговаривал:

— Сюэсюэ, домой, Сюэсюэ, домой. Папа здесь.

В детстве, когда он пугался, его бабушка тоже так его успокаивала. Она говорила, что у детей душа слабая, и от испуга она может вылететь, и тогда ребёнок станет глупым. Поэтому взрослые должны «звать душу», чтобы она вернулась домой.

Птенцам стало интересно, почему он это говорит, и Тао Цю им всё объяснил.

Саньбао, глядя, как отец обнимает и целует Эрбао, смущённо спросила:

— Цю-цю, цю-цю?

— Я тоже немного испугалась. Папочка, ты и мне можешь «позвать душу»?

— Конечно, могу. — Ведь Дабао и Саньбао тоже проснулись от крика Эрбао, так что и они испугались.

Тао Цю вытер слёзы Эрбао, усадил её к себе на колени и повторил ритуал для Саньбао.

Конечно, и Дабао он не обошёл стороной.

Это было не столько «призывание души», сколько нежные игры отца с детьми. Всем троим эта «игра» очень понравилась, и они решили, что потом ещё попросят папу поиграть с ними.

Из-за этого маленького происшествия вся семья проспала.

Но на улице было холодно, и им всё равно было нечем заняться, так что можно было и поспать подольше.

Днём, хотя небо и было затянуто тучами, ветра и дождя не было, и на улице было не так уж холодно.

Тао Цю вынес птенцов в долину поиграть. Высокая груша, с которой уже почти облетели все листья, идеально подходила для тренировок.

Птенцы садились на ветку и без страха бросались в полёт. Ведь внизу был папа. Даже если взлёт не удастся или они сорвутся, папа их обязательно поймают.

Все трое уже научились летать на небольшие расстояния на низкой высоте. Прогресс был очевиден. Тао Цю гордился ими и хвалил после каждого полёта, а птенцы от этого старались ещё больше. Получился замкнутый круг.

Через два часа Тао Цю, боясь, что они устанут, принёс им кусочки мяса и фрукты, чтобы они перекусили и отдохнули.

Только они начали есть, как Тао Цю уловил знакомый запах.

Зелёная змея снова принесла добычу.

Тао Цю сказал об этом птенцам и спросил:

— Хотите пойти со мной посмотреть?

Птенцы вспомнили, как Зелёная змея показывала им свой язык, и, жуя фрукты, дружно замотали головами.

Тао Цю усмехнулся и, не настаивая, отправился к входу в долину один.

В этот раз добычи было больше, чем в прошлый. Достаточно, чтобы расплатиться за корзину помидоров.

Раны на теле змеи почти зажили, но отвалившиеся чешуйки ещё не отросли, и выглядела она немного странно, но это не умаляло её грозного вида.

В зубах она держала добычу, на рогах которой висела корзина с помидорами. Внутри, свернувшись клубком, лежала маленькая змейка.

Тао Цю взял половину добычи, чтобы облегчить ей ношу, и заглянул в корзину. Маленькая змейка бросила на него быстрый взгляд и спрятала голову.

— Цю? — удивился Тао Цю.

— Плохо себя чувствуешь?

Зелёная змея смутилась.

— Ш-ш-ш... ш-ш-ш...

— Я сказала, что привела её поиграть с птенцами, она стесняется.

Тао Цю:

— ...

Не стесняется, а не хочет.

Тао Цю решил подразнить её.

— Цю, цю-цю.

— Малышка, ты меня боишься?

Услышав это, маленькая змейка резко выпрямилась и агрессивно зашипела:

— Большой злодей! Я тебя не боюсь!

Тао Цю изрядно помучил Зелёную змею, чуть не лишив её жизни, и маленькая змейка до сих пор помнила обиду.

Хотя мать и объяснила ей, что теперь они с семьёй Снежной птицы друзья, она всё равно недолюбливала Тао Цю.

Сегодня мать привела её поиграть с птенцами, сказав, что Снежная птица их пригласил.

Маленькая змейка совсем не хотела идти, но мать сказала, что если они подружатся с семьёй Снежной птицы, то потом будет проще обмениваться на фрукты.

Говоря это, она чуть не плакала, рассказывая, как она любит свою дочку, как боится её потерять, и что если с ней что-то случится, то и она жить не будет.

Маленькая змейка поняла, что мать всё это делает ради неё, и, смягчившись, согласилась пойти.

— Ш-ш-ш...

— Малышка, не надо так.

Зелёная змея, боясь, что Тао Цю рассердится, но не желая ругать дочь, попыталась её успокоить и извинилась перед Тао Цю:

— Прости, она не нарочно. Она просто хотела меня защитить.

Тао Цю не обиделся.

— Я понимаю. Мои дети тоже за меня горой. Так что не извиняйся.

Сказав это, он добавил:

— Цю, цю-цю.

— Пойдём, птенцы там.

Зелёная змея кивнула. Внешне она была спокойна, но внутри всё трепетало от волнения.

Место, куда она не смогла пробиться силой, сегодня её пригласили, и она могла войти туда с гордо поднятой головой.

Волоча за собой добычу, Зелёная змея последовала за Тао Цю, слушая его рассказы о здешних местах.

Когда она увидела ровные грядки и две высокие груши, и подумала, что здесь растут те самые чудесные фрукты, которые спасли её дочь, её сердце забилось чаще.

Птенцы думали, что Тао Цю пошёл за добычей, и не ожидали увидеть большую змею.

Заметив её, они бросили еду и, наперегонки, спрятались за камнями.

Их реакция не укрылась от Тао Цю и Зелёной змеи. Обоим родителям стало немного неловко.

Их дети не очень-то жаловали друг друга. Что за странное совпадение?

Тао Цю попросил Зелёную змею оставить добычу и отдать ему корзину. Он сам отнесёт маленькую змейку к птенцам.

Зелёная змея, понимая, что птенцы её боятся, не стала напрашиваться и осталась стоять на месте, с тоской глядя им вслед.

— Сокровища мои, выходите. Посмотрите, кого я вам принёс.

Услышав голос отца, птенцы сначала высунули головы и, убедившись, что большой змеи нет, медленно вышли из-за камней.

Тао Цю присел и поставил корзину на землю.

— Цю, цю-цю.

— Выходи, познакомься с моими тремя сокровищами.

Маленькая змейка опустила голову и не двигалась.

Тао Цю понизил голос:

— Ты ведь знаешь, что твоя мама хочет, чтобы ты подружилась с моими детьми. Она стоит там и смотрит. Ты хочешь её разочаровать?

Эта угроза подействовала. Маленькая змейка подняла голову, сердито посмотрела на него и злобно прошипела:

— Ш-ш-ш...

— Ты такой противный!

Тао Цю не обратил внимания на детские обиды. Увидев, что она сдалась, он вынул её из корзины и поставил перед птенцами.

Хотя после помидоров Тао Цю маленькая змейка и поправилась, она всё равно была очень худой. Даже рядом с птенцами она выглядела крошечной.

Увидев, что маленькая змейка похожа на зелёную вяленую сосиску и совсем не такая страшная, как её мать, птенцы даже нашли её немного милой.

Они окружили её и спросили у Тао Цю:

— Цю-цю?

— А почему маленькая змейка пришла?

— Я пригласил её к нам в гости. Вы все ещё маленькие, можете подружиться.

Зелёная змея хотела наладить с ним контакт ради будущих обменов, но и у Тао Цю были свои расчёты.

Обмен — это выгода. А если дети подружатся, то к выгоде добавится и дружба.

Две его главные тайны скоро будет не скрыть. Если у него возникнут проблемы, то, имея дружеские отношения, Зелёная змея поможет ему охотнее.

И у Тао Цю, и у Зелёной змеи были свои интересы. Нельзя было сказать, что кто-то кого-то обманывал.

Видя, что птенцы только смотрят на маленькую змейку и молчат, Тао Цю сказал:

— Вы же у меня послушные, вы же слушаете папу? Поиграйте с маленькой змейкой. Она хоть и вредная, но на самом деле хорошая. И не смейте её обижать, раз вас трое.

Сказав это, он погладил их по головам и спросил:

— Обещаете, а?

Эрбао хитро посмотрела по сторонам и с улыбкой сказала:

— Цю-цю, цю-цю.

— Мы всё сделаем, как папа скажет. Я позабочусь о маленькой змейке.

Саньбао тоже улыбнулась:

— Цю.

— И я.

Дабао посмотрел на маленькую змейку, его взгляд был нечитаем. Но, повернувшись к Тао Цю, он снова стал надёжным и послушным сыном.

— Цю, цю-цю.

— Не волнуйся, папочка, мы станем хорошими друзьями.

<http://bllate.org/book/15883/1587523>